

НОГАЙЦАМ ЕЩЕ ДОЛГО ПРЕДСТОИТ ОБИВАТЬ ПОРОГИ ЧИНОВНИЧЬИХ КАБИНЕТОВ

Author: [Dmitry Balburow](#)

Жители дагестанского села в Чечне надеются получить компенсации на восстановление своих домов, разрушенных во время военных действий. Но их требования остаются незамеченными.

Тойдык Янтуганова в 77 лет осталась совсем одна. Муж умер в 1994 году, детей у них не было, близких родственников тоже, кроме двоюродного брата. Когда эта невысокая изможденная женщина рассказывает о своей жизни, в ее голосе звучит скорее печаль, чем обида.

"Я родилась и выросла в ногайском селении Коги. Мой муж был чабаном в животноводческом совхозе, а я по специальности "арбичка", то есть работник арбы, помощник чабана. В трудовой книжке так и записано - арбичка. Аллах не дал детей, но мы с мужем жили очень дружно и хорошо".

Дом Тойдык был разрушен в начале второй чеченской кампании в сентябре 1999 года. Немало сел постигла такая же участь в ходе той войны, однако в данном случае необычным было то, что в Коги жили не чеченцы, а ногайцы - представители небольшой этнической общины, обосновавшейся в ряде сел, разбросанных вдоль чечено-дагестанской границы.

По какой-то случайности статус села сегодня остается неопределенным, что затрудняет попытки когинцев добиться из Чечни и Дагестана компенсаций.

Название села Коги, расположившегося в северной части Чечни, переводится с ногайского как "Небесный дом". В 1957 Коги вошло в состав Чечено-Ингушской автономной республики, восстановленной в результате передела территорий, последовавшего за возвращением из Центральной Азии депортированных чеченцев.

Но жители Коги не потеряли связи со своими этническими родственниками - дагестанскими ногайцами. В 90-х годах село оказалось вовлеченным в борьбу чеченцев за независимость, в войну, к которой сами когинцы не имели никакого отношения.

В сентябре 1999 года село Коги случайно оказалось на пути движения армейских колонн. В результате бомбардировки двух российских штурмовиков 12 сентября из 109 жителей села погибли три женщины и два ребенка, десятки человек были ранены и контужены, остальные превратились в беженцев и нашли приют у родственников и знакомых в близлежащих селах Ногайского района Дагестана.

Когинцы говорят, что в их округе не было ни одного боевика, и удар с воздуха ничем не был спровоцирован. Это подтверждает и заместитель главы администрации Ногайского района Эльмурза Саитов, который в 1999-м году работал начальником районного отделения ФСБ: "По своим каналам мы внимательно отслеживали ситуацию в Шелковском районе Чечни, и знали бы, если там накапливались боевики... Однако в Коги и других небольших селах, разбросанных вдоль границы с Дагестаном, боевиков не наблюдалось".

Тем не менее бомбардировка была интенсивной и беспощадной. Штурмовики совершили два налета на Коги и выпустили около 70 неуправляемых ракет и бомб - именно столько воронок насчитали потом сельчане. Все 30 жилых домов были разрушены, как и хозяйственные пристройки и сараи.

К счастью, большинство когинцев в этот час - около 5 пополудни - находились на работах в поле, огородах и кошарах, иначе жертв было бы значительно больше. 12 сентября стал последним днем для семьи Эсмухамбетовых - Барамбике и двух ее сыновей Эльдара 3 лет и Эльмурата 9 лет, 58-летней Лидии Абдурахмановой и 80-летней Боты Картакаевой.

"Мама спасала моего маленького сына Зиявдина", - говорит Маутали Картакаев, сын Боты. "Успела добежать с ним до кургана на окраине села, когда сзади взорвалась бомба. Осколки попали ей в голову, но Зиявдин остался цел. Мы нашли его плачущим рядом с мертвой бабушкой спустя час после авианалета. Мы не могли прийти раньше, потому что боялись повторных ударов".

Первое время после трагедии беженцы из уничтоженного села жили в детском лагере на окраине административного центра Ногайского района Терекли-Мектеб и по домам у родственников.

Затем их выселили из лагеря, и многим пришлось проситься на квартиры к знакомым, кто-то сумел снять дешевое жилье. Тойдык Янтуганова живет в полуразвалившемся сыром доме в Терекли-Мектеб, за который она ежемесячно платит 300 рублей (менее 10 долларов).

"Этот дом мне нравится, он годен для проживания. После бомбежки один знакомый из жалости пустил меня в летнюю кухню, где я прожила целый год, дал кое-какую одежду, постельные принадлежности. Но жить там было трудно - очень холодно зимой и жарко летом", - говорит пожилая "арбичка".

"В первые полтора-два года нам привозили гуманитарную помощь от правительства и международных благотворительных организаций - Датского совета по делам беженцев и Красного Креста. Муки, масла, сахара и круп хватало, чтобы не умереть с голоду, кроме того, нам выдали одеяла, матрасы, кухонную утварь, одежду, обувь".

"Я ничего не спасла из своего имущества в Коги, даже ни разу не возвращалась на руины - слишком больно и горько все это видеть".

Только две семьи вернулись в Коги - Соболевы и Ажибулатовы. Вернулись не от того, что их тянет к родным местам, а потому, что больше некуда деваться. Построили своими силами скромные саманные домики, обзавелись нехитрым хозяйством и живностью.

"У меня было 28 овец", - вспоминает 53-летний Яков Соболев. "Многих угнали бандиты, часть пропали в августе-сентябре 99-го, когда в соседнем Кумли на территории Дагестана стали концентрироваться российские войска, остальные погибли во время бомбардировки. Я до сих пор числюсь в совхозе механизатором. Слышал, что в этом году ему дали тысячу овец. Тогда понадобятся корма, а значит, есть надежда получить работу".

В начале девяностых - после того, как в одностороннем порядке Чечня провозгласила свою независимость - многим когинцам удалось получить прописку в Дагестане. И теперь из-за этого странного статуса они стали жертвами двух бюрократических систем, действующих независимо друг от друга, хотя оба региона входят в состав Российской Федерации, а ногайцы где бы они не жили - в Дагестане или Чечне, являются российскими гражданами.

Для того, чтобы подать запрос на получение компенсации, жителям Коги приходится собирать различные справки в обеих столицах Дагестана и Чечни - в Махачкале и Грозном. Далеко не всем простым сельским жителям это доступно. Только единицы имеют удостоверения вынужденного переселенца, поэтому когинцы не числятся в списках миграционной службы МВД и в МЧС

Дагестана.

Вынужденные переселенцы почти ничего не знают о своих правах на получение компенсаций: даже простая поездка в Махачкалу стала для них непреодолимой проблемой из-за стоимости билета - сто рублей в один конец.

"Два раза я съездила в Шелковскую и Кизляр, где находится отделение миграционной службы", - говорит ногайка Асинат Амитова. "Чем больше соберешь бумаг, тем больше их требуются. Сейчас нужны три справки из Чечни и три из Дагестана, но весь мой доход - 154 рубля пособий на детей, и больше я никуда не поеду".

Дмитрий Бальбуров, корреспондент газеты "Московские Новости"

Location: [Central Asia](#)
[Uzbekistan](#)
[Turkmenistan](#)
[Tajikistan](#)

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%B9%D1%86%D0%B0%D0%BC-%D0%B5%D1%89%D0%B5-%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D1%82-%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B8-%D1%87%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D1%87%D1%8C%D0%B8%D1%85-%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2>